

УДК 51(470)

МОЙ ДЕДУШКА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МОРОЗОВ

Н.П. Заботина

Мне посчастливилось родиться в очень благополучной и дружной семье. У меня были заботливые родители и необыкновенные бабушка и дедушка. Уже подростком я поняла, что В.В. Морозову я прихожусь внучатой племянницей, он брат бабушки. Когда я родилась, Владимир Владимирович сам сказал бабушке, что я должна называть его дедом, и мы с сестрой всегда его так называли. У нас в семье благоговейно относились к предкам, дедушка даже начертил генеалогическое дерево нашей семьи, у корней которого указан Георгий Николаевич Романов, протоиерей и основатель Троицкой церкви в г. Яранске. В.В. Морозову Г.Н. Романов приходился прадедом. Дедушка всегда отвечал на наши вопросы «про старину», поэтому мы с сестрой знаем очень много об их с бабушкой семье. Родители В.В. Морозова, Надежда Павловна и Владимир Никифорович, имели четырех детей: троих сыновей и дочь. Младшие из них – Борис и Владимир. Борис был старше Владимира всего на год, в детстве они были неразлучны. У них было много общего, в частности, любовь к чтению и лыжным прогулкам. Борис Владимирович закончил исторический факультет пединститута и работал учителем в школе Яранска (так хотела мама, Надежда Павловна). Он погиб в Великую Отечественную войну в бою под Великими Луками, будучи командиром лыжного батальона. Бабушку Наталью дедушка очень любил и всячески старался облегчить ее трудную жизнь. В 1937 г. арестовали мужа бабушки, химика-технолога, и он получил «10 лет без права переписки», что в действительности означало расстрел. Она в 34 года осталась вдовой «врага народа» с тремя детьми на руках. В 1942 г. погиб любимый брат Борис, и в том же году сын Володя, в 18-летнем возрасте ушедший на фронт добровольцем, был расстрелян как сын врага народа. И она все это вынесла!

Характер бабушки и дедушки во многом определили их родители. Владимир Никифорович окончил медицинский факультет Казанского университета, в качестве военного врача участвовал в русско-японской войне, дважды выезжал добровольцем в Среднюю Азию для борьбы с холерой и чумой. За заслуги перед отечеством был пожалован личным дворянством. Надежда Павловна принадлежала к первому выпуску женского медицинского института в Санкт-Петербурге, как многие студенты той поры, считала себя «революционеркой», читала запрещенную литературу. После смерти мужа (который умер в год рождения дедушки, в 1910 г.), она отказалась от «царской подачки» – пенсии, полагавшейся ей и детям и равной заработку мужа. Надежда Павловна работала земским врачом, построила в Яранске дом и разбила при доме большой сад. Скончалась в 1944 г., поэтому знакома мне лишь по фотографиям. Впоследствии взгляды на революцию в семье изменились, и Владимир Владимирович отнес прижизненные издания Ленина и Плеханова в университетскую библиотеку.

Когда я была маленькой, наша семья каждое лето проводила в Яранске, в доме земского врача Н.П. Морозовой. Там собирались все родственники во главе с Владимиром Владимировичем. Дом был большой, очень старый, со старинной мебелью

Фото 1. В.В. Морозов, остров Маркиз на Волге, приблизительно 1957–1958 гг.

и кабинетным роялем. Дедушка играл очень хорошо, предпочитал музыку Скрябина. Чтобы быть «в форме», он брал частные уроки у преподавателя консерватории. Бабушка занималась садом, дед ей помогал, выполняя черновую работу. Ходили за грибами и просто гуляли по окрестностям, причем маршрут всегда продумывал дедушка. Он шагал впереди нашей толпы и со стороны мы, наверное, выглядели очень живописно, особенно благодаря дедушкиной бороде.

В Казани мы сначала жили на разных квартирах, но когда у Владимира Владимировича случился первый инфаркт, мы поселились вместе. Он не был женат, и заботились о нём всегда мама и бабушка. Здоровье у него было слабым от природы, он часто болел, но старался не поддаваться болезням. Зимой ходил на лыжах, летом купался в северной речке Яранке. Но сердечные приступы всё же случались: после них он обычно лежал и читал своего любимого Ч. Диккенса, «Записки Пиквикского клуба», или М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Историю города Глупова», или стихи Р. Киплинга. Дедушка любил использовать устаревшее написание слов, например, «корридор», «безсовестный» и т. д. Любил цитировать Козьму Прутков. У него была великолепная художественная библиотека, которую он ценил не меньше, чем научную. В кабинете стоял громадный письменный стол, кровать и платяной шкаф, а все стены до потолка были заняты стеллажами с книгами, дедушка даже не разрешал повесить абакжур, который называл «пылесборником».

Конфликты у них с бабушкой случались, только когда надо было покупать новый костюм или пальто. Невозможно было представить себе, что он пойдет в магазин и будет там что-то примерять и покупать. Помню, у него было любимое габардиновое пальто пятидесятых годов. Маме каким-то чудом удалось купить точно такое же новое, и бабушка придумала хитрый план: старое пальто (которое уже никуда не годилось) было спрятано, а на его место повешено новое. И хитрость удалась: дедушка обнаружил подмену примерно через месяц. Он, конечно, поворчал, но к этому пальто он уже привык, поэтому продолжал в нём ходить. Однако вместе с тем он поощрял нашу с сестрой любовь к нарядам и, кроме «Иностранной литературы», выписывал для нас чехословацкий «Журнал мод».

Когда мы стали жить вместе, я часто видела дедушкиных друзей: профессора Игоря Дмитриевича Адо, бывшего, как и дедушка, учеником Н.Г. Чеботарева, Григория Николаевича Чеботарёва, бывшего тогда доцентом КАИ, профессора

Фото 2. Справа налево и сверху вниз: Владимир Владимирович Морозов, мама Надежда Павловна Морозова, сестра Наталья Владимировна Жукова и ее дети – Владимир, Владислав, Татьяна, конец 30-х годов

Александра Петровича Нордена и, конечно, друга нашей семьи профессора Валентина Ивановича Шуликовского. Они проходили в дедушкину комнату и подолгу беседовали там; с И.Д. Адо дедушка часто играл в шахматы. А.П. Норден, уходя от дедушки, считал своим долгом «облобызывать ручку» мамы. Дедушку это смущало, и он грубовато-шутливо говорил: «Ну, ладно, ладно», и делал вид, что подталкивает Александра Петровича к выходу. Иногда к дедушке приходили незнакомые странные личности. Проводив их, он, отвечая на наш немой вопрос, говорил: «Опять ферматист». «Ферматисты» уходили понурыми. Был ещё старый, по Яранску, друг, добрый и трогательный человек, увлекавшийся астрономией, к которому дедушка относился с теплотой, обращался на «ты» и звал странным именем «Тося».

Мне кажется, в кругу семьи Владимир Владимирович стал меньше болеть: он вёл размеренный образ жизни – до завтрака, независимо от погоды, отправлялся на прогулку. После обеда обязательно отдыхал. За ужином он развлекал нас беседой, всегда интересной и остроумной. Часто это был комментированный пересказ передач Би-Би-Си – В.И. Шуликовский подарил дедушке приемник с диапазонами, на которых не ставились «глушилки».

Но когда дедушке нездоровилось, он уходил в свою комнату сразу после ужина, и у бабушки портилось настроение. Если же он чувствовал себя неплохо, из его комнаты еще долго слышался стрекот пишущей машинки. Это могло означать, что дедушка работает над очередным переводом художественной или научной книги, а, быть может, пишет письмо в редакцию Би-Би-Си, с которой вел обширную переписку. О его переводах можно прочитать в книге В.И. Заботина, Л.Д. Эскина, Ю.Б. Ермолаева «Владимир Владимирович Морозов», изданной в 2002 г. издательством Казанского университета. Но дедушка и сам писал стихи, «серьезные» и шуточные.

Зимой дедушка подкармливал птиц. Он устанавливал на подоконнике фанерный посылочный ящик с несколькими дырками. В нижней части окна была сделана

специальная фрамуга, через которую дедушка насыпал семечки и клал маргарин. Прилетали синицы, воробьи и даже дятлы. Эта кормушка сводила с ума нашего кота Васисуалия Лоханкина, всеобщего любимца, пройдоху и красавца. Если по неосторожности дверь оказывалась открытой, скорбную фигуру Васисуалия можно было увидеть на подоконнике. В этих случаях дедушка очень сурово отчитывал кота, но к физическому насилию не прибегал.

Думаю, что главными качествами дедушки были порядочность и надежность. Он жил, не отступая от своих принципов и не принимая во внимание конъюнктурные соображения. Эти же качества он ценил в людях. Он мог простить «глупости и мелкие злодеяния», подтрунить над ними, но отсутствия порядочности не прощал. Дедушка был щедр и многим помогал, однако не считал нужным афишировать это, поэтому о многих проявлениях его благотворительности мы знали только по слухам. Так, например, говорили, что дедушка на свои деньги поставил памятник на могиле выдающегося математика Д.Ф. Егорова, сосланного в Казань за религиозные убеждения. То же в нашей семье говорилось и о завещании Н.Г. Чеботарева установить на его могиле крест, которое выполнил именно дедушка. Не знаю, правдивы эти истории или нет, но они созвучны его характеру и принципам.

В последние годы жизни состояние здоровья Владимира Владимировича немного улучшилось, он даже стал предпринимать зимой дальние лыжные прогулки на остров Маркиз на Волге. Первого января 1975 года он рано утром ушел из дома, была оттепель, снег был липкий. На пути домой у него случился инфаркт, и жизнь его оборвалась.

Поступила в редакцию
27.02.12

Заботина Наталья Павловна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей математики Казанского (Приволжского) федерального университета.